

Заходящее солнце напоминало кровь, окрашивая синие кирпичи и черную черепицу города Чанъань в багрянец.

Лу Ци в легких доспехах из черного железа, с мечом на поясе, в одиночку шла по переулку, возвращаясь в резиденцию. Радость от великой победы на границе еще не улеглась, а высочайшая награда все еще звучала в ушах, но она издавна не любила шум и суету, поэтому отказалась от пира в честь победы, устроенного сослуживцами.

Стоило ей завернуть за угол, как резкие насмешки детей внезапно ворвались в слух.

— Безродная побирушка без отца и матери! Разве ты заслуживаешь есть сладости?

— Точно! Даже семья Чэн от тебя отказалась, кто ты вообще такая!

— Выбросить ее конфету! Выбросить!

— Ни отца, ни матери, ни стыда, ни совести, позорище рода Чэн, Чэн Шаошан!

Шаги Лу Ци замерли, брови нахмурились. Последовав за голосами, она увидела нескольких богато одетых детей, которые окружили худенькую маленькую девочку и толкали ее. Ребенку было около десяти лет, грубые одежды покрывала пыль, в руке она крепко что-то сжимала, но толстый мальчишка яростно выбил это из ее рук на землю.

Это была уже слегка подтаявшая леденцовая конфета; упав на землю, она мгновенно испачкалась в грязи.

Маленькая девочка — Чэн Шаошан — яростно бросилась вперед, пытаясь ее подобрать, но другой ребенок наступил ей на пальцы ног.

— Ай! — взвизгнула она от боли, но не заплакала, а лишь упрямо подняла голову и уставилась на обидчиков, в ее глазах горел устрашающий гнев.

Эта сцена вонзилась в сердце Лу Ци острой иглой. Ей показалось, будто она видит себя десятилетней давности — ту сироту, которую после гибели наставника травили различные школы боевых искусств, но которая так и не пожелала склонить голову.

— Прекратите!

Холодный, как лед, голос разорвал тишину переулка, заставив ватагу детей вздрогнуть. Обернувшись, они увидели женщину-генерала в доспехах, стоявшую против света; ее силуэт был окаймлен кровавым зарефом заката, словно сам Бог Войны сошел на землю.

— Э-это генерал Лу! — один из детей узнал юного генерала, чье имя гремело по всему городу Чанъань, и от страха мгновенно побледнел.

Лу Ци медленно приближалась, и ее железные сапоги издавали по каменным плитам леденящий душу стук. С каждым ее шагом дети отступали назад, пока кто-то первый не завизжал: «Бежим!», и вся толпа в мгновение ока разбежалась во все стороны, как птицы и звери.

В переулке внезапно стало тихо, остались лишь Чэн Шаошан на земле и Лу Ци, стоявшая перед ней.

Лу Ци глубоко вздохнула, укротив исходившую от нее кровожадность. Она опустилась на одно колено, сравнившись ростом с худенькой девочкой, и ее взгляд упал на те самые покрасневшие от топтания детские руки.

— Больно? — мягко спросила она, и ее голос разительно отличался от только что звучавшего.

Чэн Шаошан настороженно посмотрела на нее, покачала головой, затем кивнула и в конце концов снова покачала головой. Она попыталась спрятать руки за спину, но Лу Ци мягко перехватила их.

— Не двигайся.

Лу Ци достала из-за пояса изящный маленький фарфоровый флакончик, высыпала немного мази и нежно втерла ее в опухшие суставы пальцев.

— Это армейская Золотая мазь от ран, к завтрашнему дню перестанет болеть.

Мазь оказалась прохладной, и Чэн Шаошан невольно расслабила напряженное тело. Она исподлобья разглядывала внезапно появившегося генерала: та выглядела лет на шестнадцать-семьдесят, черты лица были прекрасны, но пропитаны суровостью, а опущенные ресницы отбрасывали под глаза мягкую тень.

Закончив наносить мазь, Лу Ци перевела взгляд на ту самую безнадежно испачканную леденцовую конфету на земле. Помолчав мгновение, она неожиданно достала из запазухи белоснежный шелковый платок и бережно завернула в него крошки вместе с пылью.

— Пусть она и грязная, но это твоя вещь.

Завязав платок, она протянула его Чэн Шаошан:

— Возьми.

Чэн Шаошан замерла, ее грязные ручки застыли в воздухе, не смея принять явно баснословно дорогой шелковый платок.

Заметив ее сомнения, Лу Ци сама вложила платок ей в ладонь:

— Держи.

После этого она поднялась на ноги, решительным шагом направилась к лавке сладостей у входа в переулок и купила самую большую и красную связку засахаренных ягод на палочке. Прозрачная сахарная глазурь маняще блестела в лучах заката, и каждый плод боярышника был налит соком, словно рубин.

Вернувшись к Чэн Шаошан, Лу Ци снова опустилась на одно колено и протянула ей лакомство:

— Ешь.

Глаза Чэн Шаошан мгновенно заблестели, но тут же быстро потускнели:

— У... у меня нет денег...

— Я угощаю.

Лу Ци вложила засахаренные ягоды ей в руки и посмотрела, как та осторожно откусила кусочек, а сахарная крошка прилипнула к уголку рта, сделав ее похожей на укравшего еду котенка.

В этот момент что-то твердое в сердце Лу Ци неожиданно смягчилось. Глядя на эту маленькую девочку, которую обидел весь мир, но которая все равно оставалась упрямой, она вспомнила выданное системой задание — изменить одинокую и горькую судьбу Чэн Шаошан.

— Как тебя зовут? — заранее зная ответ, спросила она.

— Чэн... Чэн Шаошан, — невнятно ответила девочка, во рту которой было полно сладкого аромата засахаренных ягод.

— Шаошан, — тихо позвала Лу Ци, протягивая руку, чтобы стереть крошки с уголка ее рта. — Где твои родители?

Тело Чэн Шаошан заметно напряглось на мгновение:

— Афу и амму... на границе... они бросили меня...

Она произнесла эти слова очень спокойно, словно повторяла их тысячу раз, но Лу Ци все же уловила едва заметное дрожание в конце фразы.

— Кто это сказал? — голос Лу Ци внезапно похолодел.

— Все так говорят... — Чэн Шаошан опустила голову. — В семье Чэн... в семье Чэн тоже нет для меня места... Никто меня не любит...

В груди Лу Ци кольнуло. Она протянула руку, приподняла подбородок Чэн Шаошан и заставила ее посмотреть ей в глаза:

— Слушай меня, Чэн Шаошан. Ты не беспризорный ребенок. А теперь я даю тебе выбор...

Она глубоко вздохнула и задала вопрос, который изменил судьбы их обеих:

— Хочешь пойти со мной?

Чэн Шаошан широко распахнула глаза, засахаренные ягоды застыли в воздухе, а капли сахарного сиропа капали на воротник одежды, но она даже не замечала этого.

— П... пойти с генералом?

— Мм, — кивнула Лу Ци. — У меня в резиденции никого нет, только я одна. У тебя будет своя комната, сможешь есть всё, что захочешь, и больше никто не посмеет тебя обидеть.

Лицо маленькой девочки выражало крайнее неверие:

— П... почему?

Лу Ци помолчала немного и тихо произнесла:

— Потому что я когда-то тоже была никому не нужным ребенком. Я знаю, каково это.

Эта фраза словно ударила в самое уязвимое место в сердце Чэн Шаошан. Ее глаза внезапно покраснели, и крупные слезы покатились по щекам, падая на каменные плиты между ними.

Лу Ци не стала ее утешать словами, а просто тихо ждала, пока та выплачется. Когда Чэн Шаошан рукавом кое-как вытерла слезы и подняла голову, Лу Ци снова спросила:

— Согласна?

Чэн Шаошан долго-долго вглядывалась в ее лицо, а затем тяжело кивнула:

— Угу!

Уголки губ Лу Ци слегка приподнялись — это была ее первая искренняя улыбка за весь день. Она поднялась на ноги и протянула руку Чэн Шаошан:

— Тогда пошли.

Поколебавшись секунду, Чэн Шаошан осторожно вложила свою испачканную сиропом маленькую ручку в ту искусно очерченную ладонь. Лу Ци мягко сжала ее пальцы и повела девочку из переулка.

— Генерал... — пройдя несколько шагов, Чэн Шаошан внезапно остановилась.

— В чем дело? — Лу Ци обернулась.

Чэн Шаошан достала из-за пазухи завернутый в платок сахар и протянула его обратно Лу Ци:

— Это... возвращаю вам...

Лу Ци покачала головой:

— Я подарила его тебе.

— Но... — Чэн Шаошан прикусила губу. — Это очень дорогая ткань...

Лу Ци присела на корточки, сравнившись с ней взглядом:

— Шаошан, запомни: отныне всё мое принадлежит тебе. Поняла?

Чэн Шаошан с видимым непониманием кивнула и бережно спрятала платок за пазуху, в самое потаенное место у самого сердца.

Заходящее солнце вытянуло две фигуры — большую и маленькую — в длинные тени, которые постепенно слились воедино. Лу Ци вела Чэн Шаошан в Резиденцию генерала, и пустовавшее семнадцать лет место в ее сердце наконец-то заполнилось хотя бы уголком.

В ту ночь Лу Ци велела приготовить роскошный ужин. Чэн Шаошан смотрела на весь стол уставленный незнакомыми деликатесами, широко распахнув глаза, но не смела прикоснуться к

палочкам.

— Ешь, — Лу Ци положила ей в пиалу кусок тушеного мяса в медовой глазури. — Всё это твое.

Только тогда Чэн Шаошан робко принялась за еду: сначала она еще соблюдала приличия, но потом, увидев, что Лу Ци не возражает, пустилась во все тяжкие. Она ела так, что за обе щеки надулись, напоминая запасливого бурундука, и от этого зрелища в глазах Лу Ци зажглась нежная улыбка.

После ужина Лу Ци лично отвела ее в подготовленные покои. Распахнув дверь, Чэн Шаошан от удивления застыла на пороге, не решаясь войти: комната оказалась изысканнее любого жилища, что ей доводилось видеть; резное ложе, покрытое расшитым персиковыми цветами парчовым одеялом, туалетный столик, уставленный шкатулками с драгоценностями и румянами, которые так любят девочки.

— Э... это правда мне? — с недоверием спросила она.

— Конечно, — кивнула Лу Ци. — Нравится?

Чэн Шаошан ничего не ответила, а лишь внезапно бросилась в объятия Лу Ци, уткнувшись личиком ей в пояс, а ее плечики едва заметно задрожали. Лу Ци на миг растерялась, но тут же мягко погладила ее по макушке, чувствуя, как ткань на груди постепенно пропитывается слезами.

Этой ночью Чэн Шаошан лежала на мягком новом постельном белье, ворочаясь и не в силах уснуть. А Лу Ци сидела на каменных ступенях прямо перед ее дверью, глядя на цветущее грушевое во дворе дерево, и не сомкнула глаз до самого рассвета.

Два одиноких сердца в этот миг нашли друг друга.

Ранним утром следующего дня Лу Ци направила императору докладную записку, заявляя о том, что удочеряет четвертую барышню из семьи Чэн по имени Чэн Шаошан в качестве названной сестры. При дворе поднялся небывалый шум, а Чэн Ши и вовсе остолбенел от изумления.

— Дорогой подданный Лу, — с интересом спросил Император Вэнь. — Ты так молода, зачем тебе понадобилось удочерять дочь семьи Чэн?

Лу Ци стояла посреди тронного зала, выпрямив спину, подобно сосне:

— Отвечая Вашему Величеству: мы с Шаошан сошлись характерами, и я желаю подарить ей дом.

— Но у нее есть отец и мать...

— Они есть, но словно их нет, — холодно перебила Лу Ци, бросив взгляд на потрясенное лицо Чэн Ши. — Ваше Величество, мое решение твердо.

Непоколебимость в ее тоне заставила умолкнуть всех чиновников во дворе. Император Вэнь перевел взгляд с нее на сложного выражения лицо Чэн Ши и в конце концов с улыбкой произвел:

— Раз так, то я даю свое согласие. Есть ли возражения у дорогого подданного Чэн?

Чэн Ши открыл рот, но в конце концов смог лишь опустить голову:

— У подданного... нет возражений.

Так Лу Ци на вполне законных основаниях оставила Чэн Шаошан подле себя. В карете по дороге домой Чэн Шаошан робко спросила:

— Генерал, как мне называть вас впредь?

Лу Ци подумала немного:

— Отныне зови меня старшей сестрой.

— Старшая сестра... — тихо повторила Чэн Шаошан, и в ее глазах блеснул восторг.

Лу Ци потрепала ее по макушке, слегка приподняв уголки губ:

— Мм, старшая сестра здесь~

Карета проехала по оживленным улицам Чанъяня. Чэн Шаошан прижалась к окну, глядя на суetyщуюся снаружи толпу, и вдруг почувствовала, что этот мир больше не кажется ей таким леденящим душу и страшным.

Потому что у нее появилась старшая сестра.

Появился дом.